

В конце концов нужна современному человеку опера или нет! Этот давний, но неизменно вызывающий споры вопрос всплыл на страницах итальянских газет. В конце декабря «Унита» напечатала на первой полосе статью Сандро Веронезе под заголовком «Обвиняю оперу: это не культура». Разгневанный автор набросился на традиционно популярный на Апеннинских музыкальный жанр, призывая покончить с ним. По его мнению, опера — это «субкультура», именно она, столь распространенная в прошлом в его родной стране, крайне негативно повлияла на интеллектуальный потенциал итальянцев. Вульгарные и примитивные сюжеты, скверные тексты благодаря Верди, Пуччини, прочим композиторам — любителям данного жанра — становились популярными, якобы навсегда испортили вкус итальянцев, помешали им научиться ценить подлинно изысканное слово... И вообще, считает автор статьи, опера — это не музыкальный жанр, это скорее из области нравов, и потому как можно скорее должна стать достоянием истории. Конечно же, такое выступление не осталось без ответа — разве истинный итальянец позволит бросить тень на любимые «Травиату», «Тоску», «Севильского цирюльника», «Турандот»? Гневных ответов уже было немало. И наверняка будут еще. Второй раз за небольшой срок опера стала проблемой номер один итальянской печати. А за несколько дней до того было еще одно событие, тоже из области оперы, о котором мы рассказываем подробнее — открытие сезона в миланской «Ла Скала».

А ПАВАРОТТИ НЕ ВСЕМ НРАВИТСЯ,

или Скандал в «Ла Скала»

Хороший хозяин готовит праздник заранее. Уже в ноябре, выступая перед представителями средств массовой информации, интendant театра «Ла Скала» Карло Фонтана изложил свое кредо: в стране экономический спад, надо экономить, все должно быть скромно, ничего лишнего. «Хочу, чтобы фойе театра выглядело элегантно, но строго. Пусть будут представлены лучшие люди Милана и Италии вообще, но никаких излишеств и экстравагантных демонстраций не хочу. Надеюсь, что жена какого-нибудь промышленника, который вынужден увольнять рабочих из-за сокращения производства, не явится на премьеру, напоказ блистая бриллиантами. Впрочем, все это дело деликатности и хорошего вкуса».

Итальянская «Ла Скала» открывает сезон в конце года. Уже давно и традиционно это событие, происходящее накануне Рождества, приобрело общенациональный характер. Для тех, кто уважает самих себя и требует этого от других, быть в декабрьский вечер в театре просто необходимо. Высокие государственные мужи и промышленники, актеры и плеяды, дамы света и полусвета стремятся в этот день в сумрачный Милан, на маленькую площадку перед невысоким знаменитым на весь мир зданием. А в последние годы, особенно после «горячей осени» 1968 года, площадь перед «Ла Скала» ежегодно видит не

только сверкающие каскады драгоценностей, роскошные меха и знаменитые на весь мир лица. Она — тоже традиционно — стала местом демонстраций протеста и столкновений с конной полицией.

Но на сей раз было не так. На сей раз все было тихо. Шел дождь, мокрая площадь была пуста — ни бастующих рабочих, ни молодежи с лозунгами. Может быть, дождя испугались, а может быть, поняли тщетность этих демонстраций накануне пред рождественских спектаклей. Собралась лишь небольшая группа промокших людей, меж которыми метался какой-то журналист и все спрашивал, есть ли яйца, будут ли их швырять и в кого. Яиц не оказалось, и вообще никто ничего бросать не стал. Только один раз, когда подъехала машина президента республики Скальфаро и он вместе с сопровождающими лицами направился к входу в театр, раздались голоса: «Воры! Воры!» На этом демонстрация протеста и окончилась.

Богатая публика чинно входила в театр через парадный вход, кто попроще — через боковой на галерку — по милански — «голубятню».

Скромный темный костюм в полосочку, скромный галстук в клеточку — так улыбался со страниц итальянских еженедельников Карло Фонтана, изложивший свое кредо: экономия и скромность. Излишеств на премьере действительно не было. То ли модные дамы

прочли его заявление, то ли у них в самом деле бездна хорошего вкуса и деликатности... Но только в дождливый декабрьский вечер не сверкали каскады бриллиантов и не переливались манящими огоньками наряды из шиншиллы.

В скромном брючном костюме появилась Марта Марцотто, знаменитейшее имя в Италии, дама из низов, вышедшая в свое время замуж за старого аристократа. Долгие годы она была возлюбленной Ренато Гуттузо, который обессмертил ее крепкое тело и копну рыжих волос на многих полотнах, рисунках, гравюрах. И теперь она — но уже в фотографиях — не сходила с первых страниц глянцевого журнала еще и по причине экстравагантных бросающихся в глаза нарядов. А здесь — черный пиджак: «Я купила костюм в обычном магазине по очень сходной цене», — сообщала она всем в фойе. «А на мне — туника, которую я приобрела десять лет назад», — вторила ей жена крупного издателя.

Знаменитая на весь мир балерина Карла Франчи пришла на премьеру «в сценическом костюме, который мне дала займы актриса Валентина Кортезе». Досужие хроникеры отметили: только несколько синьоров были «в мехах», они с большой опаской выходили из автомобилей, потому что помнили, каким оскорблением подвергались прежде, как набрасывались на них «зеленые», обливая меха красной краской —

в цвет крови зверьков, с которых были содраны шкурки. С «зелеными» не могла тогда справиться даже полиция...

Всего лишь с трехминутным опозданием — тоже вещь совсем необычная — начался спектакль. Его задержала еще одна скромная акция протеста: «музыка уступила профсоюзам», — скажут потом. Театральный микродрон возвестил почтенной публике, что труппа протестует против политики правительства, не желающего поднять субсидии оперным театрам. После чего все замерли в ожидании начала.

Было от чего замирать. В «Ла Скала» в тот вечер давали «Дона Карлоса». Дирижер — Риккардо Мути, режиссер — Франко Дзеффирелли, исполнители главных партий — Лучано Паваротти и Даниела Десси. Поднялся занавес, и перед публикой предстали полутемная сцена, заполненная безликой колышавшейся толпой, мерцающие факелы и огромный сверкающий белый крест инквизиции сверху, над головами людей...

Первый акт прошел сносно, но во втором... Паваротти пустил «петуха». Взорвалась галерка, она же «голубятня» — свист, вой, улюлюканье. И до конца спектакля так было еще два раза — потому что знаменитый тенор, увы, фальшивил!

«Смотреть этот спектакль было неприятно, слушать — мучительно», — напишет на другой день известный музыкальный критик Рубенс Тедески. — Вызывая свист и протесты доброй

части публики, премьеры провалились. Протестовала не только галерка. И напрасно наиболее благодушная и богатая часть зала противопоставила этим протестам взрывы аплодисментов, напрасно бросали на сцену цветы, те самые букеты, которыми по обычаю украшают ложи! Свист и крики «браво!» перемешивались, а все вместе напоминало столкновение масс во время похорон какого-нибудь государственного мужа. Хотя в нашем случае «трупы» выстроились на прощание и грудью встретили эту бурю.

Которую и следовало предвидеть. Разве еще Мортье — может быть, плохо воспитанный, но далеко видящий директор Зальцбургского фестиваля — не заявил однажды, что никогда бы не пустил к себе «Дона Карлоса» в постановке Дзеффирелли и с участием Паваротти? Продажную печать это заявление возмутило. А разве даже камни с площади перед театром «Ла Скала» не знают, что режиссер Дзеффирелли — шарлатан, что его так и тянет на вульгарную дешевку? И разве не было ясно, что Паваротти уже катится по наклонной вниз. Особенно после того, как он столь скромно исполнил партию Отелло в Америке?

Так писал Рубенс Тедески в газете «Унита». Досталось от него и Риккардо Мути, и Даниеле Десси, и другим. Похвалил лишь троих: Самьюэл Реми (Филипп II), Александра Ани-

симова (Инквизитор), Андреа Сильвестри (Монах).

Совсем другого мнения обо всем случившемся Франко Дзеффирелли. Та же «Унита» приводит и его слова: «В другом театре никто не осмелился бы освидетельствовать Лучано Паваротти. А в «Ла Скала» приходят мерзавцы и кретины. Эти вздорные, невоспитанные, нецивилизованные люди принадлежат к той же породе, что и современные хулиганствующие нацисты, которых в Европе сегодня называют понятным любому европейцу словом «нацискин». Этим людям нужно лишь одно — сказать потом: «А я освистал самого Паваротти!» — Мы уже дали задание выяснить, кто безобразничает, и предпримем свои меры. В крайнем случае закроем «голубятню!»

«Паваротти — самый великий тенор мира», — продолжает Дзеффирелли. — Никакого «петуха» он не пускал, — очевидно, капля слезы попала на голосовые связки и «задержала» звук. И потом, почему никто не говорит, как он замечательно спел весь первый акт? Этот человек проделал огромную работу, прежде чем выйти на сцену «Ла Скала», и к нему так отнеслись! Если все так и останется, никто не захочет петь в этом театре. Думаю, что Паваротти расторгнет свой контракт с «Ла Скала», по которому он должен выступить в опере в «Паяцах». Я бы на его месте не стал петь для этих животных».

Скандал действительно был отменным. После спектакля заполнившая фойе благовоспитанная публика беспокоилась: пойдут ли Паваротти на торжественный ужин, который по традиции устраивают после открытия сезона? Говорили, что, во-первых, он оскорблен, во-вторых, он вообще-то плохо себя чувствовал, перед началом спектакля у него разболелась спина, а накануне болело колено, и он репетировал, сидя на скамейке. Паваротти сначала идти на ужин отказался, но потом передумал. И уже вечером, жуя запеканку с трюфелями, даже ответил на вопросы корреспондентов.

— **Мастро, как вы оцениваете ваше выступление?**

— На 80 процентов я пел хорошо, на 10 — в пределах нормы, что касается остальных десяти процентов — тут я не был на высоте «Ла Скала». Однако проблема заключается в том, что журналисты привыкли эксплуатировать мое имя, вытаскивать его в заголовки. Если таким образом им удастся продать больше газет, что ж, пускай. Я к этому привык. И потом, надо помнить и другое: после падения Берлинской стены все стали подвергать сомнению, все видится в мрачном свете. Я, певец, не могу уже что-то объяснить чисто профессионально, нет, я просто должен оправдываться!

— **Как бы то ни было, даже принимая во внимание, что среди журналистов в последнее время действительно рас-**

пространилась болезнь под названием «вампиризм», — все-таки эти десять процентов «не на высоте «Ла Скала» действительно имеют место. Говорят, вы мало работали над партией.

— В определенном смысле это так. Над такой оперой, как «Дон Карлос», надо работать два года, а не два месяца. Все слова должны проникнуть в тебя, слиться с тобой, а ведь я даже текст как следует не выучил...

— **Это было заметно. А «петухи»?**

— Да, я допустил три ошибки из-за неправильного дыхания. И публика мне этого не простила. А ведь на премьеру должны приходиться люди, любящие театр...

— **То есть, иными словами, публика проявила по отношению к вам беспощадность и даже жестокость...**

— Премьера — это «прикидочный» спектакль. Очевидно, зная это, публика уже заранее готова свистеть. Так было всегда и так всегда будет. Выходить на сцену в премьерном спектакле все равно что бросаться в бассейн с голодными пираниями, готовыми наброситься на тебя. Вот и на меня набросились. Но все равно, ради премьеры есть смысл рисковать.

— **Дзеффирелли даже предложил закрыть слишком уж буйную «голубятню». Что вы об этом думаете?**

— Это было бы чистым безумием. «Голубятники» имеют право протестовать. Конечно,

было бы лучше, если бы они свистели не во время действия, а в конце спектакля, и не ставили бы всяко лыко в строку... Мы не отличаемся хорошим воспитанием, — отсюда и бесконечные шумы, шорохи, цыканье, идущие из зала во время действия. Все это очень мешает. Наша публика должна бы знать: полное молчание в ответ на арию — самая убийственная реакция. Но цивилизованная!

— **Как вы себя чувствуете? Правда ли, что вы собирались уйти тотчас же после спектак-**

ля и не принимать участие в торжественном ужине?

— Сейчас я понимаю, что чувствую роженица после того, как ее малыш появился на свет ногами вперед... Но ведь и эти дети потом нормально развиваются и хорошо растут... Да, поначалу я действительно хотел уйти, не присутствовать на этом вечере. Но мои дочери убедили не делать этого. И я не жалею, что в конце концов принял и этот вызов.

...Жизнь действительно, несмотря ни на что, продолжается. Отвернувшись от журналистов и проглотив шоколадку,

Паваротти обнял стоявшую рядом Марту Марцотто: «Мой бог, а ты, как всегда, жутко сексуальна...».

По материалам итальянской печати подготовила Л. ФИЛАТОВА.

● Вид театра «Ла Скала» в середине XIX века. С картины Анджело Иньянни.

● Занавес опустился... Риккардо Мути, Даниела Десси, Лучано Паваротти, Франко Дзеффирелли. Фото из газеты «Унита».